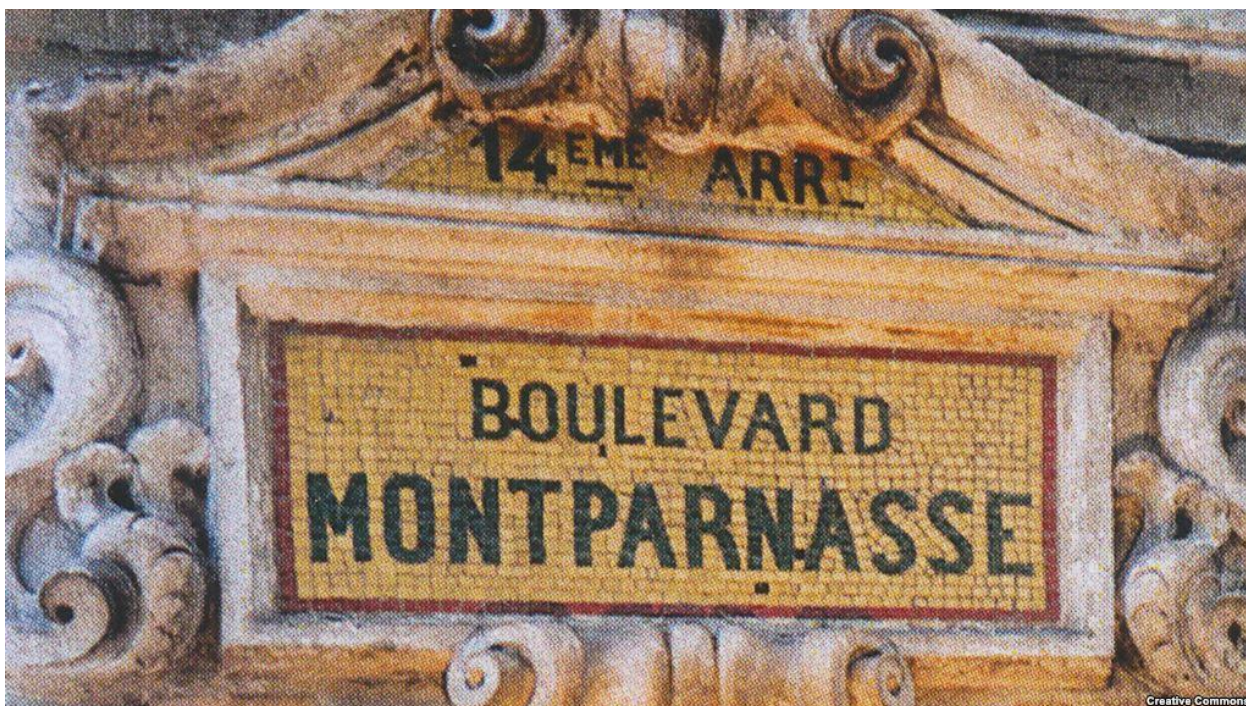

Провожая культурный год

Частные впечатления с Андреем Гавриловым

Иван Толстой: Поскольку год 2017-й практически весь вышел у нас, в последний день перед Новым годом давайте подведем, пока не поздно, пока не напились, итоги 2017-го. Он был и по-своему интересен, и по-своему традиционен, а часто и скучноват, тем не менее какие-то яркие эпизоды забыть невозможно. Что для вас, Андрей, было самым ярким? Поскольку день такой торжественный, прощальный, немного грустный, начнем с музыки?

Андрей Гаврилов: Давайте начнем с музыки. И вы, Иван, и я трепетно относимся к тому, что у нас в советское время называли в прессе "Ливерпульским квартетом", а именно к "Битлз", и хотя нового практически не было, можно сколько угодно обсуждать новизну переиздания "Сержанта Пеппера", но по большому счету мы все его знаем практически наизусть. "Мы" — я имею в виду битломанов. А вот новое было, пожалуй, только, наверное, одно — новый альбом Ринго Старра. На удивление свежий, на удивление живой альбом, никакого доисторического археологизма, как часто бывает в новых альбомах, в новых записях классика рока. Давайте послушаем сразу первую песню с этого альбома, которая называется "Мы снова на гастролях".

новый альбом Ринго Старра

(Песня)

Иван Толстой: К чему перейдем, Андрей, дальше? Какая муза влечет нас?

Андрей Гаврилов: Я бы, конечно, перешел к кино, я неровно дышу к этому виду искусства, как вы знаете, тем более что в этом году было событие, которого с нетерпением ожидали миллионы людей во всем мире, многие ожидали его целых двадцать пять лет. И дождались. В этом году вышло восемнадцать новых серий гениального сериала "Твин

Пикс" Дэвида Линча. Получилось очень забавно, получилось, как утверждает сам Дэвид Линч, совершенно случайно – в самом конце старого сериала "Твин Пикс" звучит фраза: "Встретимся через двадцать пять лет". И когда Марк Фрост, соавтор сценария, и сам Дэвид Линч задумывали продолжение, они совсем забыли, что получается так, что продолжение выходит ровно через двадцать пять лет. Мистика, окружающая этот сериал, на этот раз проявила себя просто безошибочно, и в 2017 году, а именно 21 мая, состоялась премьера нового сериала "Твин Пикс". Сериала, который, я думаю, до конца еще не понят, не прочувствован большинством зрителей.

восемнадцать новых серий гениального сериала "Твин Пикс" Дэвида Линча

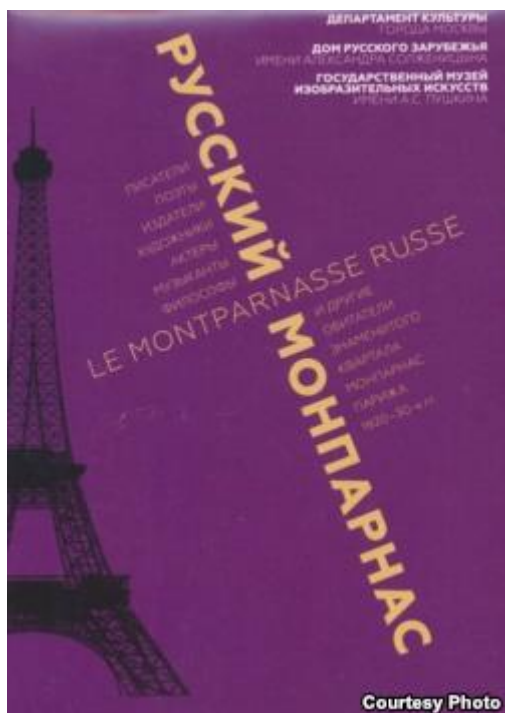
Мы все привыкли, к сожалению, привыкаем все больше и больше, к быстрой смене эпизодов, к быстрой смене кадров, ритм жизни заставляет нас искать быстрое кино. Так вот, "Твин Пикс" – совершенно другой жанр. Если я правильно помню, несколько лет назад в скандинавских странах популярность получило так называемое "медленное телевидение", когда по телевизору могли несколько часов показывать просто пламя в камине. Люди сидели и смотрели, пытаясь как-то отвлечься от сегодняшнего ритма жизни. "Твин Пикс" – не совсем "медленное телевидение", наоборот, там происходит довольно много чего и довольно быстро, но вот манера показа немножко его напоминает. Дэвиду Линчу все равно, что телевидение ушло далеко вперед или что кино далеко ушло вперед, он выстраивает свой мир, а очень многие люди постепенно в этот мир втягиваются, даже если первые серии нового сезона у них вызывали некоторое отторжение. "Твин Пикс", этот мини-сериал, по-моему, главное событие года, несмотря на то что событий было, конечно, много. Кто хотел, получил нового "Бегущего по лезвию" режиссера Дени Вильнева, кто хотел, получил новые "Звездные войны", кому нужно военное кино, те получили "Дюнкерк" замечательного Кристофера Нолана, кто любит Стивена Кинга, получили сразу несколько экранизаций, среди которых очень неплохая экранизация романа It, то есть "Оно", и к сожалению, плохая экранизация блистательной кинговской эпопеи "Темная башня".

А что касается нашего кино, то, конечно, гремят на всех фестивалях сейчас и получают целые тонны призов "Нелюбовь" Андрея Звягинцева и "Аритмия" Бориса Хлебникова. Хотя боюсь, Иван, что самым громким отечественным фильмом, самой громкой премьерой была "Матильда" Алексея Учителя, но эта громкость связана, как вы понимаете, отнюдь не с достоинствами или недостатками этой кинокартины.

<https://w.soundcloud.com/player/?url=https://soundcloud.com/radio-svoboda/provozhaya-kulturnyy-god>>SoundCloud

Иван Толстой: Я хотел рассказать, Андрей, о своем впечатлении от выставки "Русский Монпарнас", наш Монпарнас, как можно было бы выразиться, потому что существует и чисто французский Монпарнас, и он прекрасно известен в литературе, существует американский или международный, японский Монпарнас, когда художники, меценаты, покупатели, продавцы, писатели и tutti quanti участвовали в этой светской, но неофициально светской жизни на знаменитом перекрестке Vavin, который образован бульварами Монпарнас и Распай, между началом 1920-х годов, а точнее, между 1910-ми годами, когда еще там русских было сравнительно мало, и заканчивая концом 1930-х, когда Монпарнас уже выдохся из-за ощущения приближающейся войны, из-за падения всех валют, из-за экономических кризисов, из-за общей нищеты и потери жизненного тонуса, из-за падения интереса к жизни, к искусствам, из-за того, что перспектива стала затемняться, уходить в туман, а затем и гроыхнула Вторая мировая война. И вот в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына на Таганке (я каждый раз пугаюсь,

выходя на станции метро "Таганская" в Москве, когда вижу "Выход в сторону Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына", слегка мысленно оборачиваюсь – вдруг схватят за то, что мои глаза читают на вывеске именно эту фамилию). В этом замечательном исследовательском, музейном и библиотечном центре сейчас проходит такая выставка. Она будет продолжаться до 1 марта 2018 года.

Обложка буклета выставки

Что это такое? Это несколько небольших залов, где удивительно плотно и с очень хорошим вкусом собрано все, что может напоминать зрителю, посетителю, читателю, историку и просто любителю русской культуры о русском Монпарнасе. Русский Монпарнас – это такое явление, когда русские эмигранты собирались за столиками нескольких кафе – кафе "Куполь", кафе "Дом", кафе "Ротонда", кафе "Селект" и нескольких других, обсуждали свои профессиональные и житейские проблемы, говорили об искусстве, о женщинах, о соперниках, врагах, талантах и бездарностях, поддерживали друг друга морально или уничтожали друг друга каким-то острым словом, обсуждали книжные и художественные новинки, и все это создавало тот удивительный чернозем, в котором вырастали следующие талантливые или не очень талантливые плоды эмигрантской жизни, плоды изгнаннической тоски по России и стремление к русской и к европейской культуре.

На выставке представлено несколько интересных цитат в витринах, одну из них я позволю себе прочесть. Это слова из воспоминаний Романа Гуля "Я унес Россию. Апология эмиграции", из второго тома, который как раз посвящен России во Франции:

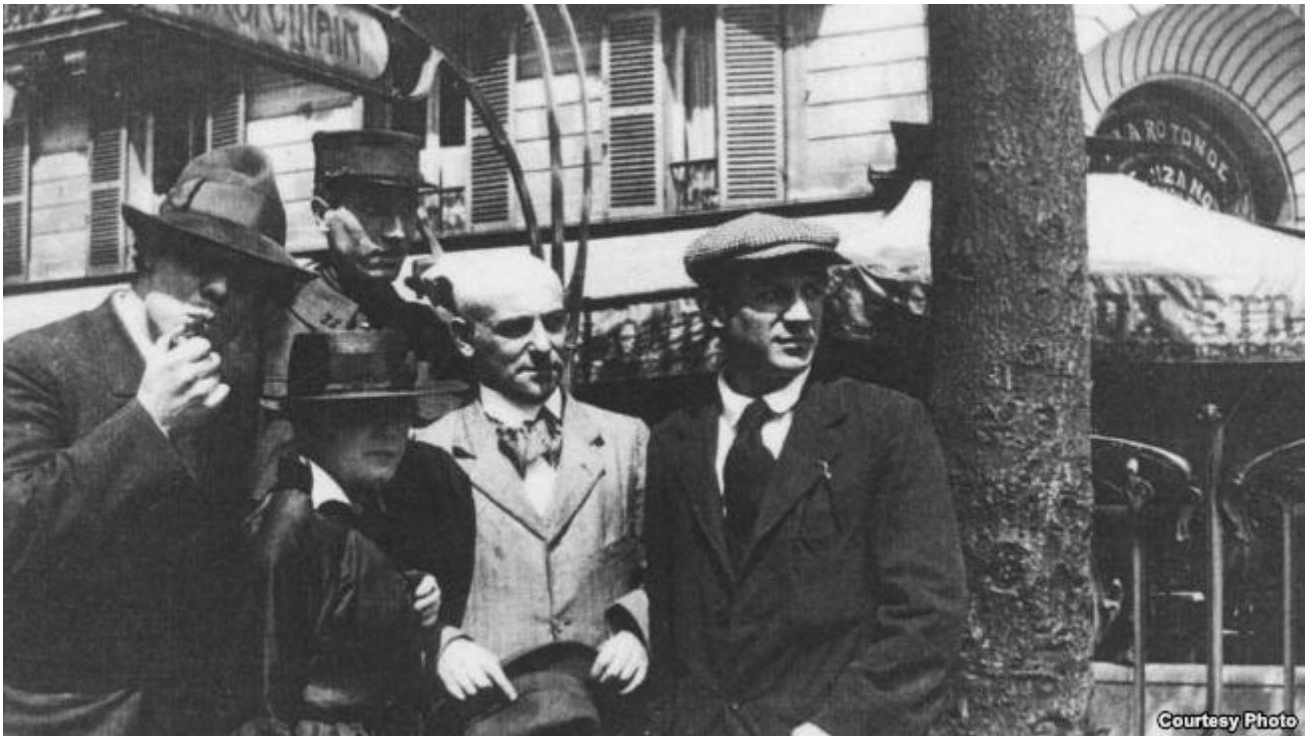
"Я, конечно же, пошел на эту самую всесветную знаменитость – на Монпарнас. Прошел рю де Вожирар, возле которой жил, свернул на бульвар Пастер, а с него – вот он и, батюшка, бульвар Монпарнас. И я уже на всемирно знаменитом пупе земли, на Монпарнасе, как раз на пересечении бульвара Распай и бульвара Монпарнас, и двух улиц – Бреа и Делабр. А в широкие бульвары втекают еще какие-то улочки, так что все вместе образует некую как бы площадь, по окраине которой и расположены знаменитые кафе "Ротонда", "Дом", немного подальше – "Селект", "Куполь", какие-то еще. Столики со стульями стоят прямо на широком тротуаре".

Типично французская атмосфера. Как построена выставка? В нескольких маленьких залах, из которых один виден через не до конца построенную стенку (вы как бы смотрите то в будущее, то в прошлое, то в молодость, то в уже опытные чьи-то годы, вам видно всё), вы проникаете и туда, и если обернетесь через плечо, то и обратно. Здесь видны и отголоски России, и художники, и какие-то актеры, режиссеры, писатели, поэты, столики кафе, книжные обложки, большие афиши, например афиша с Сергеем Лифарем или с кем-то из русских живописцев, с Сергеем Шаршуном и другими.

П.Колен. Serge Lifar. Париж, 1935. Из коллекции Дома русского зарубежья

Вот на большом экране происходящее на французской улице в 1920-е годы. А вот 1930-е, встреча членов YMCA, то есть Young Man Cristian Association (в русском варианте это Русское студенческое христианское движение"), вот Бердяев, вот отец Сергей Булгаков... Невероятные лица! Они все в движении, они беседуют друг с другом. Звука, конечно, никакого нет, потому что снималось все на любительскую камеру, да и трудно было в 1930-е годы ожидать от частной съемки каких бы то ни было звуков или музыки. Все тихо, видны фотографии знаменитых и не очень знаменитых, ушедших в тень истории и оставшихся навсегда знаменитыми личностей. Вот Адамович, вот Набоков (который совсем не любил русского Монпарнаса и, по-видимому, не бывал на нем), вот Марина Цветаева, вот Георгий Иванов, вот обложка журнала "Числа", вот Владимир Варшавский, герой французского Сопротивления и автор замечательных мемуаров "Незамеченное поколение". Именно так он назвал молодых русских, оказавшихся в изгнании. Которые, конечно, – возражали другие – были очень даже замечены. Но у них было самоощущение, что они брошены, что родились не вовремя, слишком поздно для европейской жизни, слишком рано для того, чтобы утвердиться в ней же. Выставка "Русский Монпарнас" – уникальная возможность виртуальной прогулки по улицам и адресам Парижа на левом берегу Сены. "Латинский квартал, бульвары выстраивают навигацию, – как говорится в путеводителе, – не только по известным историческим местам французской столицы, но также по истории русского Парижа 1920–30-х годов".

Макс Жакоб, Мария Васильева, Анри-Пьер Рош, Ортис де Сарате и Пабло Пикассо перед кафе "Ротонда". Снимок Жана Кокто. Париж, 1916.

Автор и куратор проекта – ученый секретарь Дома русского зарубежья Мария Васильева. Над выставкой работали Николай Герасимов, Олег Коростелев, Артем Перфильев, Анна Савоневич, Ольга Соколова, Ольга Тесленко, Светлана Урбан, Сергей Федякин, Виталий Кулишов.

Выставка открыта до 1 марта 2018 года.

Андрей Гаврилов: Иван, вы так рассказываете, что я чувствую, что я сейчас сразу отброшу все дела и побегу, если она сегодня еще открыта, смотреть эту выставку. Я ее пропустил. Большое спасибо, что вы о ней сказали.

Иван Толстой: К чему перейдем дальше, Андрей?

Андрей Гаврилов: Я бы с удовольствием поговорил о театре, о первой, после долгого перерыва, постановке в Москве Анатолия Васильева с Аллой Демидовой, но боюсь, что все театральные новости российской столицы перебиты домашним арестом Кирилла Серебренникова, и честно говоря, до тех пор пока эта драма не разрешится человеческим образом, я бы не стал вообще говорить о театре. Не потому, что не было достижений, они, конечно, были, они есть, и слава богу, но просто то, что происходит вокруг Гоголь-центра, производит на всех настолько ошеломляющее впечатление, что я просто позволю себе вообще снять тему театра.

Иван Толстой: Полностью вас поддерживаю, Андрей. В то время когда замечательный режиссер (а даже не важно, замечательный он или нет) находится под арестом, говорить о театре было бы лицемерием, фальшью и малодушием. Пропускаем эту тему. Ну что, маэстро, урежьте марш! Музыкальная тема.

Андрей Гаврилов: Я предлагаю вернуться опять к классикам рок-музыки. В прошлом году скончался Чак Берри, успев записать свой последний альбом "Чак", который вышел уже в

этом году, и я предлагаю послушать одну из песен, один из рок-н-роллов человека, которого считают одним из отцов всего этого музыкального направления. Удивительно (я повторяю то, что я говорил про Ринго Стара), настолько свежо и молодо звучит Чак Берри в своем последнем, посмертном альбоме. Песня Big Boys.

(Песня)

Иван Толстой: Андрей, я думаю, вы не будете возражать, если я заявлю, что важнейшим, крупнейшим интеллектуальным событием в конце 2017-го была очередная выставка-ярмарка Non-fiction, 19-я по счету. Много говорят о том, что в своем привычном уже помещении в Центральном доме художника на Крымском валу эта ярмарка проходит чуть ли не последний раз. Тьфу-тьфу, чтобы этого не случилось, но это уже зависит не от желания ее устроителей или нас, ее посетителей. Я был на этой ярмарке в этот раз не в полном формате, не все дни, как хотелось бы, потому что были и другие, к сожалению, неотложные московские дела, но все-таки я побывал и впечатления свои составил. Но хочу уступить слово вам. Пожалуйста, расскажите, что вы увидели, что вы купили, что вы с базара понесли.

одним из главных событий для меня было издание "Сатанинского танго" венгерского автора Ласло Краснахоркаи

Андрей Гаврилов: На этот раз я купил не очень много, и я вдруг подумал, что это как в известном стихотворении Игоря Иртеньева, может, это возрастное. Во-первых, многие книги, которые замечательно переизданы, уже есть в библиотеке в предыдущих изданиях, и я могу только восхититься новым их изданием, новыми их обложками, но уже нет такой острой необходимости менять старое издание на новое, тем более что к старому уже привыкаешь как-то, очень трудно расстаться с книгой, вы это знаете, даже если ее новое издание чем-то и превосходит предыдущее. Тем не менее, кое-что я нарыл. Во-первых, одним из главных событий для меня было издание "Сатанинского танго" венгерского автора Ласло Краснахоркаи. Это первая книга этого автора на русском языке и первая публикация какого-либо его романа на русском языке. До этого было всего лишь три рассказа и пара эссе. Ласло Краснахоркаи – абсолютный классик мировой литературы, каждый год он один из претендентов на Нобелевскую премию. Я был знаком с его творчеством по фильмам, пять или шесть его романов экранизировал потрясающий венгерский режиссер Бела Тарр, в частности, "Сатанинское танго" он принес на экран, сделав семичасовую эпопею. И вот, наконец, можно прочесть этот роман, который (я еще не успел его открыть, я предвкушаю этот момент), как говорят критики всего мира, является одним из главных произведений последних двадцати пяти лет мировой литературы. Кстати, Ласло Краснахоркаи принадлежит блистательная фраза: "Пока мы упрямо держимся за книгу, существует то, что было до книги, и то, что будет после нее. Для этого книги и нужны".

На ярмарке я купил и новый роман Людмилы Петрушевской "Нас украли. История преступлений".

На ярмарке я купил и новый роман Людмилы Петрушевской. Уже, по-моему, лет десять, если не больше, не было никакой крупной формы от Людмилы Петрушевской – были рассказы, были сказки. И вот, наконец, новый роман, который называется "Нас украли. История преступлений". Посмотрим, что это такое. Последние годы Петрушевскую можно было видеть и на сцене кабаре, можно было приобретать ее картины, которые продавались в интернете, но романа долго не было. Вот посмотрим, что такое роман "Нас украли". Я, конечно, не мог пройти мимо романа под названием "Задача трех тел"

китайского автора Лю Цысиня. Дело в том, что это первая книга в истории, которая, будучи переводной книгой на английский язык, номинирована сразу на все высшие премии научной фантастики в мире – на "Хьюго", на "Небьюлу", на "Локуса", на "Прометея" и на другие. Это книга, которую считают событием в мире научной фантастики. Я прочел пока что ее краткую аннотацию и сразу подумал, что манера написания этой книги, по крайней мере так, как она представлена в аннотациях и критических статьях, напоминает моего любимца Мо Яня, который в свое время меня поразил сочетанием волшебства, сказок и абсолютно социалистического реализма китайской действительности, может быть, в чем-то поразил даже больше, чем в свое время Габриэль Гарсиа Маркес или Борхес. Не буду сравнивать, кто лучше, кто хуже, разумеется, я говорю только про манеру изображения действительности.

На ярмарке не было книги, которую я ждал много лет и вот, дождался. Это четвертый том из трилогии Филипа Пулмана "Темные материалы". Была написана законченная трилогия, потом к ней появлялись маленький повестушки, как бы дополнения и развитие некоторых сюжетных линий, но Филип Пулман обещал, что будет еще большая книга в этой трилогии. И вот она вышла. Книга называется "Книга пыли", первый том (четвертая книга будет двухтомной). Ждал я ее лет восемь, если не больше. Вместе со мной ее ждали очень многие почитатели таланта этого замечательного английского писателя, которого называют наследником и Льюиса, автора "Нарнии", и Толкиена, автора "Хоббитании". Потрясающий человек, потрясающий писатель и потрясающая была трилогия, настолько потрясающая, что, честно говоря, я с некоторым опасением жду, когда мне в руки попадает новое его произведение.

вышла книга Александра Кушнера, которая называется "Кормильцев. Космос как воспоминание"

И конечно, если уж говорить о той теме, которую я никогда не пропускаю, должен сказать, что вышла книга Александра Кушнера, которая называется "Кормильцев. Космос как воспоминание". Эта книга посвященная уральскому поэту Илье Кормильцеву, который известен прежде всего тем, что он писал тексты для группы "Наутилус Помпилиус" золотого периода этой группы. Потом получилось так, что группа и Илья пошли совершенно разными путями, но это ни в коем случае не умалило его талант. Книга вышла в издательстве "РИПОЛ-классик", большой, уверенный том на 250 с лишним страниц. Автор писал его несколько лет, взяв сотни интервью, нарыв очень много неизвестного материала, и это получилось как бы продолжение его книги о Сергее Курехине, которая вышла четыре года назад и которая называется "Безумная механика русского рока". Очень многие знают Сашу Кушнера как автора знаменитого справочника "100 магнитоальбомов советского рока". Книга вышла давно, в 1999 году, и до сих пор является необходимой для изучения рок-музыки в СССР. А книга о Кормильцеве, по данным "Российской газеты", попала в топ-100 главных событий ярмарки Non-fictionnon, а по оценке РИА Новости – в топ-5 главных книг декабря. И последнее, что я скажу, чтобы не занимать слишком много времени, я скажу об издании, которого, к сожалению или к счастью, не было на ярмарке Non-fiction. Сейчас выходит полное собрание сочинений Аркадия и Бориса Стругацких, 33 тома. Тираж мизерный – 300 экземпляров каждый том. Я очень надеюсь, что издатели точно и четко оценили возможности рынка, что не придется потом опять бегать за каждым томом, пытаясь его отыскать. 33 тома со всеми черновиками, со всеми неопубликованными материалами, со всеми вариантами. Издание готовилось много лет, его обещают выпустить за 2017–18 годы. Вышло уже три тома. Ну и теперь, Иван, конечно, я с нетерпением жду вашего мнения о Non-fiction.

Иван Толстой: За один-единственный день, когда я побывал на Non-fiction, я успел поймать действительно не так много книг, хотя глаза увидели и что-то, из-за чего я облизнулся. Но вы правы, в последнее время возраст и набитость квартиры дают о себе знать – и ставить некуда, и видишь, что это вторые и третьи издания, может быть, гораздо более красивые, чем были издания 1990-х и 2000-х годов, и, тем не менее, нужно себя как-то ограничивать и понимаешь, что очень важно просто перечитать то, что у тебя дома, а то и прочитать впервые. А то все откладывал, и этого отложенного накопилось до потолка. Надо читать. Вообще, классика часто гораздо интереснее и лучше, чем новые книги. И все-таки у меня пристрастие к книгам документальным, к историческим исследованиям.

И вот книжка, которую я буквально схватил

И вот книжка, которую я буквально схватил, потому что она мне очень дорога уже по содержанию, и кроме того, я маленький, совсем ничтожный, с волосиночку внес вклад в написание этой книги просто потому, что я люблю те же архивы, которые любит автор и с ними профессионально связан, это книга "Войной навек проведена черта... Вторая мировая война и русские артисты: под оккупацией, в Рейхе, в лагерях Ди-Пи". Автор книги – Михаил Иванович Близнюк. Михаил Близнюк участвовал в наших программах, он автор очень известной, нашумевшей книги, исследования под названием "Прекрасная Маруся Сава", которая была посвящена исполнительницам первой волны русской эмиграции и в Европе, и, в основном, в США, за океаном. И вот теперь Михаил Близнюк, в течение многих лет готовивший совершенно новую книгу, ее выпустил, и я думаю, что читателей ждет даже не море, а океан удовольствия и открытий, потому что это действительно книга, где впервые рассказывается и о людях, и о судьбах, и о событиях, и вскрываются всевозможные обстоятельства, которые у нас принято замалчивать. Ведь тема эта очень и очень деликатная – русские за границей. Но не просто за границей, а русские под Гитлером, русские, угнанные и ушедшие добровольно, попавшие в плен и отправившиеся совершенно сознательно в Германию под власть Третьего рейха, выступавшие там со сцены, самой разной сцены – и лекторской, и учебной, и университетской, но самое главное, со сцены артистической. Те люди, которые продолжили свою музыкальную и артистическую карьеру, начатую еще в Советском Союзе до войны. Вот этих людей в России, в Советском Союзе принято считать абсолютными предателями. Если бы они просто работали "на Бауэра" или "у Бауэра" (так назывались собирательно немцы, владельцы своих собственных ферм и сельскохозяйственных угодий и хозяйств), это было бы только небольшой частью их общей вины, что они не застрелились, не утопились, не повесились, а отдались немцам. Но если они там еще и выступали, еще и кого-то развлекали, еще и, не дай бог, радовались жизни, переживали свой творческий успех или неуспех, тогда это, конечно, конченные для нашего традиционного сознания личности. Да и личностями их после этого мало кто хочет называть. Такой у нас взгляд.

Обложка книги

И если сразу после войны в этом взгляде что-то и было справедливое... Много было справедливо потому, что лилась кровь, правда, она лилась и теми, кто выжил, и кто оказался потом в оккупации под немцами, и тем не менее, поскольку гибли наши братья, то заниматься развлечением, как считалось, немцев, хотя развлекали совсем не немцев, а развлекали наших пленных, так вот, развлекать врага (а попавшие в плен становились врагами в нашей официальной пропаганде и в нашем собственном сознании) это предательство, это высочайших грех.

И вот в течение последних десятилетий, начиная с перестройки, историки, исследователи, мемуаристы начинают постепенно корректировать эту точку зрения. Не то чтобы решительно переписывать историю – нет. Не то чтобы менять знаки с минуса на плюс – нет (хотя есть и такие, но в семье не без урода). Но речь о другом. О том, что нужно, во-первых, попытаться понять во всей сложности, во всей трагической, отчаянной нравственной сложности то положение, которое сложилось в годы войны. И попытаться сказать хотя бы себе, может быть, без лишних каких-то инвектив: а кто, собственно, создал такую ситуацию перед войной и в первые дни войны, что несколько миллионов наших сограждан оказались в плену? Кто в этом виноват? Вот когда мы начнем договариваться друг с другом и начнем отвечать на этот вопрос: кто виноват в бесчисленных пленных наших, в том, что люди шли в атаку без оружия, а если и было оружие, то не было достаточного числа патронов, а вот штыками коли врага, который стреляет из пулеметов, из Шмайссеров, из танков и с неба кидает бомбы? Вот кто виноват в этой трагедии? Почему, несмотря на весь патриотический и военно-патриотический угар довоенных лет, мы оказались не готовы к неожиданному нападению на нас? Почему сложилась такая ситуация?

Ответ на этот вопрос дает одновременно и ответ на вопрос: почему возникла книга Михаила Близнюка "Войной навек подведена черта..."? Как должны были себя вести, что должны были делать наши соотечественники, которые, спасибо Господу, остались живы, были спасены, получили свою пайку из рук гитлеровцев и которые сочли для себя

возможным развлечь и утешить таких же наших соотечественников, у которых просто не было артистического или музыкального таланта.

Вот эта книга посвящена этой большой истории, которая продолжалась несколько лет и которую Михаил Близнюк начинает еще в Советском Союзе. Первая часть его книги названа "Оккупация и плен. Преддверие "Винеты": Белоруссия и Северо-запад, Запад России, Гатчина, Смоленск, Псков, Калинин, Ржев, Орел, Брянск, Локоть, Курск и Белгород, Прибалтика, Северный Кавказ и Крым, Украина и так далее. Вторая часть – "В тенётах "Винеты". И вот теперь жители этих перечисленных мест, городов и краев попадают под немцев, они угнаны или добровольно уезжают в Германию. И, кстати, не только в Германию, но и во Францию, в Бельгию, везде, где присутствует фашистский сапог.

Задняя обложка книги Михаила Близнюка

Итак, вторая часть – "В тенётах "Винеты". "Винета" – это учреждение германского Министерства пропаганды, через которое прошли десятки советских актеров, режиссеров, исполнителей и лекторов. Вот тут очень интересная биографическая часть. Здесь творческие и личные портреты огромного числа людей. Из известных я назову, например, Всеволода Блюменталь-Тамарина, драматурга Всеволода Хомицкого, автора еще довоенной эмигрантской пьесы "Эмигрант Бунчук", здесь Сергей Сверчков-Дубровский, о котором я не раз рассказывал, потому что это один из первых дикторов Радио Свобода, тогда называвшегося Радио Освобождение.

Сергей Сверчков-Дубровский никакого оружия, как и Блюменталь-Тамарин, как и Всеволод Хомицкий, не держал, они никого не убивали, на их руках нет крови, они – несчастные жертвы Второй мировой войны, несчастные жертвы тех политиканов, которые развязали мировую бойню. Сергей Дубровский выступал у нашего микрофона и учил молодых дикторов. Он при загадочных обстоятельствах скончался, насколько я понимаю, он был отравлен другим диктором Радио Свобода, советским агентом Борисом Виноградовым, но у меня нет документов с печатями в руках. Может быть, таких

документов нет и в природе, но я рассказывал об этой истории и в московском журнале "Русская жизнь", и в передачах Радио Свобода.

Можно назвать целый ряд и других имен, они очень часто ничего или мало что говорят современному читателю. Тем интереснее будет читать эту книгу – мы открываем в ней неведомую Россию. Балерины Тамара Вераксо, Антонина Тумковская, Евгения Федорова; публицист Иван Жадан и Изабелла Калантар, Вера Северная, Иннокентий Редикульцев (явный псевдоним), Мария Мар, Ольга Луко, Всеволод Топилин, Элеонора Богданова, Иван Корнилов, Михаил Таракус, Михаил Игнатьев, Елена Бенуа, Игорь Зайферт и так далее. Множество имен.

Третий раздел – "Из лагерей остарбайтеров в лагеря Ди-Пи". Ди-Пи – Displaced Persons, перемещенные лица, это официальное название Лиги Наций для тех, кто попал в переплет, кто был перемещен в географическом и политическом пространстве против своей воли или, во всяком случае, не только по своему желанию. И так, в лагеря ДиПи, на подмостки лагерных театров. И описывается ситуация в Менхегофе, Шляйсхайме, неофициальной столице русской Германии, лагере Парш, товарищество русских артистов, белый русский лагерь Келлерберг и его театр, и несколько других разделов.

Труппа Театра "Прометей", 1945

В книге больше тысячи страниц, и предваряется она очень грустным стихотворением Ирины Кнорринг, опубликованном в "Новом журнале" в Нью-Йорке сразу после войны, в 1946 году. И настроение книги именно такое – не обличительное, не торжествующее, не упивающееся своей темой, а настроение у Михаила Близнака как раз соответствует самой теме – это печаль, это элегия, это понимание того, что история во много раз труднее и сложнее для понимания и для принятия, для умиротворения собственного над ее разглядыванием, история гораздо более сложная штука, чем нам преподносили практически всю нашу жизнь, всю нашу историю. История трагедий и расколотой России, история ее западной части, которая, к счастью для одних, к несчастью и к моральному ужасу для других, осталась жива и оставила свое наследие. Вот что писала Ирина Кнорринг. Эти стихи вынесены в эпиграф ко всему огромному тому Михаила Близнака:

*Войной навек проведена черта,
Что было прежде – то не повторится.
Как изменились будничные лица.
И всё – не то, и жизнь совсем не та.
Мы погрубели, позабыв о скуке,
Мы стали проще, как и все вокруг.
От холода распухнувшие руки
Нам ближе холеных, спокойных рук...
И нам понятна эта жизнь без грима,
И бледность просветленного лица,
Когда впервые – так неотвратимо,
Так близко – ощущение конца.*

Книга Михаила Близнюка "Войной навек проведена черта..." выпущена в Москве издательством "Старая Басманная" буквально только что, в декабре 2017 года.

Андрей Гаврилов: Иван, вы очень интересно рассказали о книге, настолько, что не терпится ее заполучить. Вообще эта тема мне представляется настолько интересной, я рад, что есть люди, которые посвятили свое время, свои силы, свой талант тому, чтобы представить нам страницы истории, о которых мы практически ничего никогда не знали и вот теперь начинаем узнавать. Безумно интересно! Большое спасибо вам, спасибо заочно и заранее автору книги Михаилу Близнюку. Я думаю, это тема, которая с каждым днем, как ни странно, становится все более и более интересной и все более и более актуальной, актуальной именно потому, что раньше этого как бы не было, и вот теперь из тумана начинают проступать очертания неведомой нам жизни, неведомых нам проблем, неведомой нам истории.

Но хочу вас вернуть в 2017 год из военных лет, вернуть снова от литературы к музыке. В этом году, совсем недавно, в декабре этого года скончался выдающийся французский певец Джонни Холидей. Почему он выдающийся? Потому что он смог сделать то, чего до него не делал никто. Может быть, не хотел, я не говорю, что не мог, но не делал, тем не менее. Джонни Холидей обожал Эдит Пиаф, не пропускал ни один ее концерт, и вообще, он вырос и стал певцом в рамках того, что у нас называют отвратительным выражением "французский шансон" (сразу отсылает это к какой-то нашей воровской тематике), тем не менее, внутри традиционной французской песни. И вот Джонни Холидей смог сломать границы французской песни, ни в коем случае никак ее не унизив, не испортив, не словив, он смог сломать границы, привнес в нее то, что называется французским рок-н-роллом. А в первые годы называлось просто рок-н-роллом. Не зря его называли французским Элвисом, хотя, с моей точки зрения, это безумно ограничивает восприятие творчества Джонни Холидея как певца, как композитора, как автора песен. За два года до смерти он выпустил альбом под названием "Остаться в живых". И хотя этот альбом вышел до

нашего "отчетного периода", именно в память о Джонни Холидее, великом французском певце, который покинул нас буквально две с половиной недели назад, я предлагаю послушать одну из его песен.

(Песня)

Это был Джонни Холидей и его песня "То, что давал людям" с альбома "Оставаться в живых".

Иван Толстой: Андрей, я хорошо знаю, что ваш любимый конек – джаз, причем джаз отечественный. Позвольте мне показаться таким маленьким выскочкой и знайкой и сказать, что в этом году исполнилось 95 лет российскому, отечественному джазу. Простите, если я перебил вашу делянку, залез не на свое поле, но мне кажется, что вы могли бы нам напомнить какие-то факты из истории отечественного джаза и хотя бы два слова сказать об этом юбилее?

Андрей Гаврилов: Вы знаете, действительно, в 1922 году родилось то, что мы называем отечественным джазом, когда Валентин Парнах впервые выступил со своим оркестром, вернувшись из Франции, кстати, где он смотрел на все то безобразие, что творится, которое было потом так энергично и хлестко названо Максимом Горьким "музыкой для толстых". Валентин Парнах начал ту волну, которая продолжается до сих пор и продолжается, как и мне кажется, с каждым годом все успешнее. Российский, а до этого советский джаз существует, это очень богатое, с моей точки зрения, музыкальное явление. Бесполезно тут же вспоминать Дюка Эллингтона, Джона Колтрейна или Майлса Дэвиса, мировых звезд, так же бесполезно, как пытаться такими козырями, как Моцарт или Бетховен, козырять в разговоре о современной музыке, это совершенно неправильно. Российский джаз живет, появляется все больше музыкантов, все больше записей, но при этом есть одна странность. Концертов много, клубов, концертных залов, где выступают джазовые музыканты, много. Уменьшается количество записей музыкантов или, вернее, записей, которые можно взять в руки, поставить дома на полку и потом послушать. Пластинки вроде бы отошли, компакт-диски вроде бы умирают, многие музыканты выкладывают записи своих концертов сразу в интернет, и хорошо, это как-то сохраняется, но тем не менее, джазовая дискография, особенно джазовая дискография отечественного джаза, дает сбои. И это обидно, потому что до сих пор очень много музыки или не издано вообще, хранится в архивах и все еще уныло ждет своего часа или было издано на пластинках виниловых и не переиздано на компакт-дисках. А виниловые пластинки, при всей моей любви к этому виду аудионосителя и при всей его прелести, все-таки запиливаются, и если не сохранилась оригинальная запись, то постепенно пластинка превращается во все более и более шипящий и щелкающий артефакт. А многие записи наших музыкантов были изданы за пределами России или СССР, и по разным причинам так и не нашли своей дороги на наш рынок, к нашим любителям. Вот я хочу, в связи с этим юбилеем, рассказать об одной такой записи. Рассказать кратко, чтобы мы могли потом эту запись послушать. В Америке существовала замечательная фирма (она существует и сейчас, но уже с другим руководством и с несколько другой направленностью) Mobile Fidelity Sound Lab, или просто MoFi. Это была небольшая фирма, которая специализировалась на высочайшем качестве звука. Это единственная фирма, которой были отданы, например, мастер-ленты пластинок "Битлз". Впервые мастер-ленты покинули студию на Abbey Road для того, чтобы техники, звукорежиссеры, звукоинженеры Mobile Fidelity смогли воспроизвести наиболее точно, наиболее полно на виниловых пластинках то, что было записано. Это не имеет ничего общего с тем вариантом, который издается сейчас, когда добавляются некоторые краски, немножко по-другому микшируется звук. Это было абсолютно точное и выверенное перенесение

оригинальной записи на материальный носитель. Очень уважаемая фирма, она брала лицензию у других фирм для издания наиболее интересных пластинок – классических, джазовых, роковых и так далее. Возглавлял ее одно время человек по имени Герберт Белкин. Он умер в 2001 году, но еще до своей смерти он потерял контроль над компанией, успев, правда, заключить контракт с фирмой "Мелодия" на издание классических записей фирмы "Мелодия" и на издание некоторых джазовых записей. Вот среди некоторых этих джазовых записей был компакт-диск под названием "Джаз из СССР – 1987". В названии была неточность – некоторые из записанных там треков были записаны ранее на фестивале "Осенние ритмы – 85" в Ленинграде. Но это не так важно. Важно то, что впервые фирма, которая пользовалась колоссальным уважением в США и во всем мире, представила зарубежным слушателям на своем проверенном и уважаемом аудионосителе, на компакт-диске, записи советских джазовых музыкантов. Это были далеко не первые записи, которые вышли на Западе, конечно, их было много и до этого, но широкой дистрибуции по разным причинам они все-таки не получали. Mobile Fidelity сделала то, чего до нее не делал практически никто – она пробилась с этими записями на рынок США. Это было, конечно, достижением. Открывался этот диск записью оркестра Олега Лундстрема, это была пьеса "Джайв", написанная Виталием Долговым, к диску прикладывалась аннотация с комментариями к каждой пьесе и диск был издан не на золоте, как издавались некоторые диски этой фирмы, а на алюминии. Это не очень важно для слушателей, потому что качество все равно высочайшее, это важно для покупателей, потому что если золотые диски этой фирмы еще переиздаются, то алюминиевые, то есть обычные серебряные диски, к которым мы привыкли, практически никогда. И их компакт-диск "Джаз из СССР – 1987" стала коллекционной редкостью. Вот для того, чтобы пробить эту стену, этот барьер редкости, я и предлагаю вспомнить этот компакт-диск и послушать пьесу в исполнении оркестра Олега Лундстрема.

(Музыка)

Иван Толстой: Андрей, а в следующем году в наших программах C'est la vie можно ли попросить вас время от времени вспоминать об этом юбилейном годе? В конце концов, ведь близится и столетие. Когда, как не в этот период, вспомнить о самом лучшем, самом замечательном, об эвер гринах отечественного джаза? Можете ли вы дать такое обещание нашим слушателям?

Андрей Гаврилов: Я его дам с удовольствием. Единственное, я добавлю, что кроме самых лучших, самых значительных произведений я добавлю еще самые редкие записи, потому что действительно жалко, что некоторые замечательные записи наших джазовых музыкантов доступны только на зарубежном рынке, да и то уже походи их там найди!

Иван Толстой: Тогда мы с удовольствием на этом можем поставить точку и закончить очередной выпуск C'est la vie, который сегодня был посвящен подведению итогов года. Тем более, Андрей, что на дворе 31 декабря, вечер, а у кого-то уже налито, а у некоторых даже опрокинуто. Давайте поспешим пожелать нашим слушателям счастливого Нового года. С Новым годом, друзья!

Андрей Гаврилов: С наступающим! С наступающим Новым годом!